

Е. В. КИКТЕВА

ДИТРИХ ШЕФЕР – ИСТОРИК КАК ВОСПИТАТЕЛЬ НАЦИИ В ВИЛЬГЕЛЬМОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена научной и политической деятельности Дитриха Шефера, немецкого историка-медиевиста конца XIX – начала XX в., образцового представителя немецкой академической элиты. Представления Шефера об этосе ученого служили основой его публичной активности. В политике профессор стремился продвигать собственные идеи, далекие от конъюнктурных соображений. И в своей пропагандистской деятельности, подводя читателя к политическим идеям на основании исторических фактов, Шефер предстает не полемистом, а учителем немецкой нации.

Ключевые слова: *Дитрих Шефер, академическое сообщество, германский национализм, экспансионизм, вильгельмовская Германия, историография*

Профессор Иоганн Генрих Дитрих Шефер был в свое время одним из известнейших историков Германии. За свою долгую жизнь (1845–1929) он успел не только сделать феноменальную академическую карьеру, активно поучаствовать в издании источников, но и параллельно стать заметным популяризатором исторической науки. Его известность в последнем качестве неразрывно связана с политической ангажированностью историка, которая неизменно выделяла его из сонма «аполитичных» немецких профессоров.

С точки зрения профессиональных качеств Шефер являл собой каноничный образец члена немецкой академической элиты, представленной, в частности, в исследовании Ф. Рингера¹. Персоне Шефера посвящено мало работ, что неравноценно его влиянию в вильгельмовскую эпоху. Краткая биография мемориального характера была создана в 1920-е гг. еще при жизни ученого². После этого вплоть до подробной статьи Р. Чикеринга и монографии Й. Акермана³ он упоминался в историографических работах как пример политизированного историка⁴.

В исследованиях неоднократно указывалось на роль историков в распространении националистического и имперского мировоззрения в немецком обществе второй половины XIX – первой половины XX в. Как отмечает И.А. Женин, «националистический крен в немецком обществе сопровождался почти беспрецедентным развитием исторического сознания. Историки обладали огромным влиянием на образованные слои

¹ См.: Рингер 2008.

² Jagov 1925.

³ Ackermann 2004; Chickering 1988.

⁴ См. напр.: Hübingер 2006; Iggers 1968.

общества, на их самосознание и отношение к государству как выразителю «истинных» интересов нации»⁵. В отечественной литературе, несмотря на обилие работ об отдельных немецких историках, в которых рассматривается также проблема их взаимоотношений с политикой⁶, специальные исследования о Дитрихе Шефере пока отсутствуют.

Шефер был своеобразным *self-made man* с немецким колоритом. Происхождение из городских низов Бремена никак не могло предопределить его восхождения до самых высот преподавательской карьеры – должности ординарного профессора в Берлинском университете. Его родители, не получившие образования⁷, по мере возможности пытались выучить детей; даже овдовев его мать продолжала оплачивать для двух своих детей посещение частной школы. Благодаря этому Дитрих с детства осознал высокую ценность знаний и образования, что привило ему со школьной скамьи необычайную усидчивость и прилежание. Именно эти качества отмечали в нем в первую очередь все его наставники⁸. Образ трудолюбивого, стремящегося к знаниям юноши также помогал ему заручиться материальной поддержкой, стипендиями, необходимыми для продолжения учебы. Далеко не сразу Шефер открыл в себе призвание к науке, первоначально он приобрел профессию учителя и несколько лет преподавал в школах Бремена (*Hauptschule, Realschule*) до поступления в университет. После его окончания, до обретения места профессора, Шефер также работал учителем в гимназии.

Преуспевая во всех дисциплинах будущий ученый долго не мог определиться с областью знаний, которую хотел бы изучать. В молодости его интересовали история, литература и география, он обладал способностями к иностранным языкам (самостоятельно выучил английский, очень быстро освоил латинский и древнегреческий). Шефера тогда притягивала английская история и литература, особенно на него повлияла «История Англии» Т. Маколея. Именно в период подготовки к поступлению в университет он начинал интересоваться политической жизнью и с того времени прочно оставался на пропрусских позициях⁹.

В 1868 г., после окончания экстерном последних классов гимназии, Шефер поступил в Йенский университет. Будущий историк учился также в университетах Гейдельберга и Геттингена. Сильное влияние на него оказали профессор Адольф Шмидт, источниковед Георг Вайтц

⁵ Женин 2012. С. 123. См. также: Рингер 2008; Grimmer-Solem 2007; Iggers 1968; Mosse 1975; Sontheimer 1971; Wehler 2003.

⁶ См., напр.: Гусева 2011; Ростиславлева 2008; Хряков 2002.

⁷ Отец семейства был портовым рабочим и прислугой, мать также работала в качестве прислуги. Шефер находил иронию судьбы в сравнении занятий своего отца и собственных исследовательских предпочтений.

⁸ Ackermann 2004. S. 37-39.

⁹ Schäfer 1926. S. 50-56.

(ученик Л. фон Ранке). В период начала франко-прусской войны Шефер слушал курс лекций по Новейшей истории знаменитого Г. фон Трейчке, и оказался в числе тех студентов, которые записались добровольцами под влиянием призыва Трейчке¹⁰. Несмотря на то, что принять участие в боях ему удалось лишь под конец войны, он описывал военный опыт как «венец [Höhepunkt] моей жизни», «чувство... служения великому делу»¹¹. Защиту того, чем стала тогда Германия, Шефер почитал целью, и академическая деятельность навсегда оказалась священной для него с идеей служения немецкому народу. Трейчке впоследствии одобрительно отозвался о диссертации Шефера и благословил его на продолжение научной деятельности¹².

Выбор темы диссертации («Датские анналы и хроники с середины XIII в. до конца Средневековья», 1872) был обусловлен, как признается Шефер, желанием, во-первых, написать ее на основе неопубликованного материала, а во-вторых, получить за это сочинение приз Ганзейского исторического общества, что ему удалось¹³. Интерес Шефера к истории Скандинавии пробудил труд Ф.К. Дальмана (его «Историю Дании» он впоследствии продолжил)¹⁴. Стремительным началом научной карьеры он был обязан Ганзейскому обществу, которое поручило ему в 1876 г. подготовить издание «Ганзейских рецессов»¹⁵. Едва завершив работу в архивах, он получил место профессора в alma mater, что было в то время исключительным предложением для недавно защитившегося историка, если не принимать в расчет, что университет Йены интересовал прежде всего его опыт публикации источников, а не научные идеи. В дальнейшем решение о смене места преподавания – он был профессором также в Бреслау, Тюбингене, Гейдельберге и Берлине – принималось им зачастую по причинам материального характера. Назначению в университет Берлина во многом Шефер был обязан безупречной политической репутации, а не известностью в научном мире¹⁶.

В период преподавания в Гейдельберге и Берлине Шефер включился в активную политическую деятельность. Начало этому положи-

¹⁰ «Фихте [в 1813 г.] отпускал своих учеников со словами: победа или смерть! Я говорю вам: Победа любой ценой!». Цит. по: Ibid. S. 70.

¹¹ Ibid. S. 71-72.

¹² Ackermann 2004. S. 49-50.

¹³ Schäfer 1926. S. 75-76.

¹⁴ Фридрих Кристоф Дальман (1785–1860), историк и либеральный политик. См.: Ростиславлева 2008; 2010.

¹⁵ «Ганзейские рецессы» (Hanserezesse) – многотомное собрание средневековых источников, выходявшее в свет с 1870 по 1913 гг. Рецессы представляют собой официальные документы, отражающие решения собраний ганзейских городов. 9 из 24-х томов «Рецесс» были изданы под руководством Д. Шефера.

¹⁶ Ackermann 2004. S. 124.

ла его агитация в пользу Национал-либеральной партии во время предвыборных кампаний 1881 и 1884 гг., когда он «множество раз выступал с речами в Йене и по всему избирательному округу»¹⁷. Позже Шефер повторил путь, пройденный многими сторонниками этой партии, – после отказа национал-либералов от поддержки Бисмарка, он резко отмежевался от них, а впоследствии стал активно поддерживать первые популистские «национальные союзы»¹⁸.

В 1897 г. Шефер с воодушевлением отнесся к агитации за флотскую программу А. фон Тирпица. Он пришел к пониманию важности строительства флота, независимо от Германского Флотского союза (1898–1934), переживавшего тогда период становления. Еще до вступления в Союз историк, мечтавший о создании «новой немецкой Ганзы»¹⁹, проявил себя в Гейдельберге как активный пропагандист идеи немецкого флота, поэтому неудивительно, что он возглавил местную ячейку Флотского союза. Через несколько лет Шефер разочаровался в этой организации, хотя продолжал оставаться ее членом. В своих воспоминаниях он уделил деятельности Флотского союза совсем незначительное внимание. Однако это не означало прекращения публичной агитации, которую Шефер вел при любой возможности, и даже после Первой мировой войны не считал ставку на флот ошибочной²⁰.

В этот период Шефер публиковал работы по истории Священной Римской империи, Ганзы, том «Истории Дании», исследование о колониализме. Одновременно он принимал участие в публикации источников. Известность Шеферу принесли вовсе не его работы по средневековой тематике, а речи, памфлеты, и многократно переизданные работы научно-популярного характера: «Ганза» (1903), двухтомные «Всеобщая история Нового времени» (1907) и «История Германии» (1904). Пристрастие к написанию масштабных трудов по национальной истории свидетельствует о том, что он воспринимал себя как продолжатель дела великих историков XIX в.: Ранке, И.Г. Дройзена, Ж. Мишле. К началу XX в. работы такого формата уже считались устаревшими. Шефер позиционировал их как просветительские, а не научные труды. Они вызвали «заметный резонанс в гимназиях и даже в народных школах», а в научной среде были приняты холодно и подвергались критике²¹. Параллельно издавались его политические работы, в которых заметны и черты научно-популярного жанра: «Германия на море» (1897), «Что говорит нам история о значении флота для современной Германии?»

¹⁷ Schäfer 1926. S. 100.

¹⁸ См.: Eley 1980.

¹⁹ Ackermann 2004. S. 127.

²⁰ Schäfer 1926. S. 131.

²¹ Ackermann 2004. S. 143, 145. Цит. Ibid. S. 145.

(1900), «Что означает Рейх для немцев?» (1912), «Быть или не быть?» (1914), «What Germany Is Fighting For» (1917), «Бисмарк: его жизнь и влияние» (1917), «Рейх как республика: Германия и Пруссия» (1919), а также многочисленные статьи и речи. Перечень работ, вышедших из-под его пера, содержит более 200 наименований. При этом ученый постоянно выступал с научными и политическими докладами.

Пик популярности Шефера пришелся на годы Первой мировой войны, когда вопросы, поднимавшиеся в его исторических и политических трудах, приобрели остроту для всего немецкого общества. Излишне доказывать, что ученый с энтузиазмом воспринял начало войны. В отличие от многих немцев, охваченных патриотическим единением, Шефер десятилетие воплощал «идею 1914 г.»: участвовал в сборе подписей под «Декларацией преподавателей высших учебных заведений Германского рейха»²², и даже создал Независимый комитет за немецкий мир (1916–1918), чтобы продвигать собственное видение целей войны и организовывать петиционные кампании. Позднее он использовал наработанные за долгие годы связи в политических организациях для объединения всех сил, выступающих за продолжение войны, под эгидой Отечественной партии (1917–1918), куда влился и его Комитет²³. После войны он, как и многие бывшие члены этой партии, вступил в Немецкую национальную народную партию. Завершив преподавательскую карьеру, он продолжал выступать в партии с докладами на политические темы, но его прежнее влияние на общество было утрачено.

Шефер, как и многие современные ему немецкие историки, принадлежал к поколению «внуков» Ранке (Enkelgeneration)²⁴, т.е. испытал его влияние через своих учителей. Был ли Шефер неоранкеанцем? Он нигде не упоминает, что труды Ранке произвели на него сильное впечатление, хотя и превозносит его как основателя немецкой исторической школы. Скорее всего, громкие заявления о «возрождении традиций Ранке»²⁵ были связаны с представлениями Шефера о том, чем должен заниматься историк: непосредственно изучать источники и содействовать их публикации. Ранке, как и Трейчке, был для него идеализированным образом историка, привитым со студенческой скамьи, поэтому он не пытался анализировать его труды, выявлять противоречия со своей позицией, особенности критического метода.

²² «Erklärung der Hochschullehrer des Deutschen Reiches» – декларация в поддержку действий германской армии от 16 октября 1914 г., подписанная преподавателями высшей школы (более 3 тыс. подписей). Считается продолжением знаменитого манифеста «К культурному миру!» (Манифест 93-х).

²³ Ackermann 2004. S. 231; 233.

²⁴ Ibid. S. 100.

²⁵ Ibidem.

Шефер уделял вопросам методологии весьма скромное место. Участие Шефера в методологическом споре его времени – между ранкеанцами и сторонниками Лампрехта – было не слишком продуктивно: сама мысль, что государство может быть признано вторичным, резко диссонировала с основами мировоззрения Шефера, согласно которым сама историческая наука следует по тому же пути развития, что и государство²⁶. Он считал нарождающуюся культурную историю излишней, искусственной дисциплиной с неопределенным предметом исследования: «...это сравнительное сопоставление этнологических явлений из разнообразнейших областей и эпох, в котором я не могу разглядеть исторической ценности»²⁷. Шефер не инициировал полемику, наоборот, был вынужден отвечать на критику²⁸. Он даже высказывал мысль, что методологические ухищрения не нужны студентам²⁹, а получить навыки исследовательской работы студент при желании может в течение двух семестров на семинарах. Шефер считал себя приверженцем «объективного» источниковедческого анализа³⁰, согласно которому работа с источниками сама собой формирует методологию исследователя, а знакомство с теоретическими и философскими концепциями студента лишь запутывает, лишает непредвзятости. Во многом такой подход может быть объяснен тем, что сам Шефер в период своей учебы не получил достаточного философского образования. Он прослушал лишь один курс «Логика и метафизика» в первом семестре³¹. Собственные работы, проникнутые «естественным» национальным чувством он противопоставлял методологическим трудам своих современников.

Постоянным мотивом творчества Шефера выступает идея о неразрывной связи истории и настоящего, о связи каждого человека с прошлым. При этом историк считал спорным утверждение об истории как учительнице жизни (*Lehrmeisterin*)³², однако отводил ей роль воспитательницы нации. Деятельность историка была для него не менее значимой, чем деятельность политика: именно развитие общегерманского исторического сознания он считал важнейшей предпосылкой объединения Германии: «Возрождение национального сознания в нашу эпоху на протяжении [XIX] столетия находится в тесной взаимосвязи с одновременно возросшим интересом к нашему прошлому, к его исследованию в плане языка, права, искусства и политического развития.

²⁶ Schäfer. Die eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte. S. 270-278.

²⁷ Цит. по: Ackermann 2004. S. 102.

²⁸ Подробное рассмотрение методологических взглядов Д. Шефера не входит в задачи данной статьи.

²⁹ Schäfer 1926. S. 142; Ackermann 2004. S. 139.

³⁰ Ackermann 2004. S. 115.

³¹ Schäfer 1926. S. 63.

³² Schäfer 1907. Bd. 1. S. 6-7.

Когда хотят показать место научной жизни в возрождении нашего народа... имеют в виду в первую очередь работу историков»³³.

Как достойный последователь Ранке нигде в своих работах Шефер не писал о непреложных законах исторического развития, но утверждал о «линии» или «ходе» истории, т.е. тенденциях, которые историк, как он считал, может улавливать. Во вступительной речи в должность профессора в 1884 г. он уже формулировал эту мысль: «Разделение рода человеческого на нации находится вне постижения исторической мысли; с незапамятных времен берет начало и принцип политического оформления национальных основ. Но последний был отеснен глубоко на задний план в течение тысячелетнего хода истории»³⁴. Показательно, что существование «национальных основ» государства Шефер принимал априори. Отсюда «задача историка прийти к пониманию государства, к пониманию его происхождения, становления, предпосылок его бытия, задач, стоящих перед ним»³⁵, государство – продукт исторического развития, и «только историческое познание может привести к его пониманию»³⁶. Его рассуждения перекликаются с идеями Дальмана и Маколея, которые схожим образом разрешали для себя дилемму «историк-политик»: «в рамках тихих научных штудий историк расширяет круг своего воздействия и из рассказчика о прошлом становится учителем, способным предсказать, по каким законам должно управляться государство»³⁷. Следовательно, историческое исследование должно концентрироваться на национальной истории, истории государства, выход за ее рамки возможен, в представлении Шефера, в особых случаях и только на наднациональный уровень «мировой истории».

Методологию Шефера-историка можно назвать фрагментарной, зависимой от политических взглядов и состояния исторической мысли эпохи. В его трудах заметен интерес к национальным и имперским идеям, культурным особенностям народов, прослеживается немало позитивистских черт. Несмотря на старания приблизиться к образу Трейчке и Ранке, Шефер оставался заложником современных ему подходов.

Важный момент для понимания внутренних мотивов историка кроется в том, что в его сочинениях метафорами исторических событий часто выступают понятия из образовательной сферы: «урок», «экзамен» (метафора Первой мировой войны), «просветительская работа» (эквивалент слова «пропаганда»), «превосходная школа» (армия), «задача», и, конечно, «воспитание» как миссия любого преподавателя и выдаю-

³³ Schäfer 1884. S. 4.

³⁴ Ibid. S. 3.

³⁵ Schäfer. Die eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte. S. 279.

³⁶ Schäfer. Was bedeutet dem Deutschen sein Reich? S. 322.

³⁷ Ростиславлева 2008. С. 138-139.

щегося национального деятеля (Мольтке и Бисмарк также выступают как «воспитатели нации»³⁸)³⁹. Невозможно понять мировоззрение Шефера, отрицая то место, которое занимала в нем миссия учительства.

В университете Шефер вел не только курсы средневековой истории и источниковедения, но также курсы Новой и Новейшей истории. Он с удовлетворением отмечал, что он может оказывать влияние на большее число студентов, и формулировал свое преподавательское кредо таким образом: «давать студентам во время лекций нечто такое, что позволяло завоевывать их умы и сердца для [формирования – *Е.К.*] исторического понимания и здорового патриотического чувства»⁴⁰.

Его отношение к студентам носило зачастую патерналистский характер: «Шефер не был блестящим лектором... Но тех же, кто привык, приковывала его ясная, деловая речь... Так он повсюду быстро приобретал кружок преданных, благодарных слушателей»⁴¹. Позднее Шефер активно использовал связи с бывшими учениками в своей политической деятельности – они должны были продвигать интересы его организации на местном уровне⁴². В своей преподавательской деятельности Шефер стремился подражать Г. фон Трейчке, хотя в отличие от последнего он, как отмечали современники, не проявлял склонности к красочному и увлекательному повествованию, театральным эффектам, наоборот, стремился к лаконичному и сжатому изложению материала.

Биограф Шефера Й. Акерман считает, что он взял на себя роль «просветителя нации» не ранее 1897 г.⁴³, однако, если учесть рано сформировавшееся представление Шефера о преподавателе-наставнике народа, то данная концепция нуждается в корректировке. Именно возможность занять подобное место появилась у Шефера в этот период, после обретения высокого академического статуса и изменения политической конъюнктуры; историк лишь воспользовался возможностью распространять свои идеи вне университета.

На протяжении своей жизни историк состоял во множестве политических организаций, известных своим экспансионизмом и национализмом (Союз Восточной марки, Колониальное общество, Пангерманский союз, Германский Военный союз, Германский Флотский союз, Отечественная партия и др.). Несмотря на активную политическую деятельность в качестве агитатора и публициста, Шефера тяготили поли-

³⁸ Schäfer 1901. S. 28.

³⁹ Необходимо заметить, что смешение милитаристских терминов и смыслов с педагогическими прослеживается в целом в германском академическом дискурсе в рассматриваемый период: см. Маурер 2015. С. 376-381.

⁴⁰ Ackermann 2004. S. 52 (письмо Г. фон Трейчке); цит.: Schäfer 1926. S. 94.

⁴¹ Цит. по: Ackermann 2004. S. 92.

⁴² Ibid. S. 181.

⁴³ Ibid. S. 127.

тические посты, государственные чины, должности в государственных и партийных органах, т.е то, что он называл «практической политикой». Еще в Гейдельберге профессор лишь под нажимом администрации университета согласился войти в верхнюю палату парламента Бадена, при этом он пытался отказаться от титула тайного советника⁴⁴.

Аналогичным образом, несмотря на членство в многочисленных политических организациях, Шефер редко соглашался занимать там какой-либо пост и никогда не называл себя политиком. Отказ от мотивировал тем, что не сможет являться на заседания или участвовать в аппаратной работе ввиду отсутствия времени⁴⁵. Но были и другие причины: Шефер неоднократно выказывал снисходительное отношение к «практической политике», научная деятельность казалась ему более важной, к тому же он не считал себя способным к политике. Ученый неоднократно подчеркивал, что именно глубокое знакомство с историей Ганзейского союза привело его к мысли, что «экономическое могущество можно достичь и утвердить только с помощью политической силы»⁴⁶. Самоограничение Шефера в политической сфере – он обычно лишь выступал с речами – во многом продиктовано желанием остаться «над схваткой» и представлять точку зрения эксперта, а не пропагандиста⁴⁷. Участие в агитационной кампании на общегерманских выборах было продиктовано убеждением в том, что такие выборы способствуют укоренению единой Германии, а не симпатиями к национал-либералам, поддерживаемых им в тот момент⁴⁸. Шефер подчеркивал, что немецкий ученый должен отстаивать общегерманские интересы, а не интересы партии или социальной группы⁴⁹. В воспоминаниях ученый подчеркивал свою близость к немецкому народу и обществу простых людей⁵⁰.

Подобный образ мыслей Шефер считал обязательным для немецкого политика, идеал которого он видел в Бисмарке, с которым профессор встречался в 1892 г. в Бад-Киссингене, вызывая у него священный трепет и бесконечное восхищение. Описание беседы с Бисмарком занимает в мемуарах Шефера 11 страниц: он стремился не просто донести смысл слов экс-канцлера, а запечатлеть каждую мелочь, так или иначе с ним связанную⁵¹. Уместно напомнить, что идеализированный

⁴⁴ Schäfer 1926. S. 135-136.

⁴⁵ Так он мотивировал отказ на предложение Г. Класса, председателя Пангерманского союза: Bundesarchiv Berlin – Lichterfelde. BArch R 8048/455. Bl. 11; 12.

⁴⁶ Schäfer 1926. S. 100; цит.: Schäfer 1885. S. 32.

⁴⁷ Это распространённое заблуждение немецких интеллектуалов раскрывается в немецкой историографии национализма. См., в частности: Рингер 2008.

⁴⁸ Schäfer 1926. S. 100.

⁴⁹ Ibid. S. 135.

⁵⁰ Ibid. S. 74-75.

⁵¹ Ibid. S. 114-125.

образ Бисмарка сыграл важную роль в оформлении популистского национализма в Германии – причисление себя к «партии Бисмарка» было маркером размежевания со старыми прусскими консерваторами, кайзером и правящими элитами; Шефер отмечает, что накануне этой встречи можно было видеть «свидетельства недовольства кайзером»⁵².

Исключениями из правила невмешательства в «практическую политику» в разное время были: руководство деятельностью тюрингенского отделения «Германского союза восточной марки», руководство деятельностью гейдельбергского отделения Германского Флотского союза и, уже в период Первой мировой войны, руководство собственной организацией «Независимый Комитет за немецкий мир», хотя Шефер в последнем случае сетовал на необходимость заниматься изматывающей организационной работой⁵³. Руководство местными отделениями было недолгим, но и после этого Шефер оставался членом указанных организаций. Как утверждает Акерман применительно к деятельности профессора в «Союзе восточной марки», во время нахождения на руководящем посту Шефер ограничивал свои полномочия, сосредоточившись на руководстве издательской деятельностью⁵⁴. Он, несомненно, использовал различные политические организации как издательский ресурс для публикации своих речей и памфлетов, однако многие из них также были заинтересованы в популярном профессоре.

Акерман считает, что до Первой мировой войны наиболее активной была деятельность Шефера в «Союзе восточной марки» в 1890-х гг. Однако в архиве Гамбурга имеются листовки, выпущавшиеся гейдельбергским отделением Германского Флотского союза в период острого внутреннего кризиса данной организации. Они показывают, что Шефер не только примкнул к радикальному крылу Союза, находящегося в оппозиции к руководству, но и своими силами развернул агитационную кампанию против последнего⁵⁵. Позднее Шефер активно сотрудничал с оппозиционным академическим крылом союза – «Свободной ассоциацией лекторов» (Freie Vereinigung für Flottenvorträge)⁵⁶, из чего можно заключить, что Шефер сыграл немалую роль в истории Флотского союза. После войны Германский морской союз (переименованный Флотский союз) продолжал, несмотря на прежние идейные расхождения, чтить Шефера как «патриарха немецкой исторической науки», «основателя истории флота Германии», «предшественника флотского движе-

⁵² Ibid. S. 115; См. также: Ростиславлева 2016; Frankel 2005; Stegmann 1970.

⁵³ Ackermann 2004. S. 182.

⁵⁴ Ibid. S. 149; 158.

⁵⁵ Staatsarchiv Hamburg, 614-2/1. III.1. Bl. 114, 115.

⁵⁶ Eley 1980. P. 88; Шефера называют лидером этой организации: Diziol 2015. Bd. 1. S. 58-59.

ния»⁵⁷. Подробных сведений о деятельности Шефера на политических постах нет ни в мемуарной, ни в биографической литературе, в связи с чем оценить степень его активности достаточно проблематично.

Труд «Германия на море» («Deutschland zur See: Eine historisch-politische Betrachtung», 1897) был первой крупной работой Шефера по флотской проблематике. Ее основная часть – исторический обзор, цель которого – показать, что немцы могут «владеть морем» наравне с англичанами и голландцами, «если им в той же степени предоставлены ветер и солнце»⁵⁸. Значительная часть работы посвящена истории Ганзейского союза. Называя всех ганзейцев «немцами» (в т.ч. и жителей средневековых Нидерландов), освещая роль мореплавателей-немцев в мировой истории, Шефер пытался разрушить исторический стереотип Германия как сухопутной державы. Подчеркивая важность создания современного немецкого флота, он вместе с тем ничего не упоминал о конкретных показателях, которым должен соответствовать этот флот: «Насколько должен быть силен наш флот... – вопрос технического характера. <...> В каком составе остальные типы судов должны присоединяться к линейным кораблям, решать специалистам»⁵⁹.

В работах Шефера проявляется своеобразное отношение к колониализму – несмотря на то, что он считал возможным прибегать к силе при колонизации чужих земель, в большей степени воспринимал ее как мирное предприятие, «окультуривание». Именно поэтому он высоко оценивал деятельность России по ассимиляции восточных народов⁶⁰. По его мнению, средневековая колонизация германцами прибалтийских и славянских земель протекала, в основном, мирным путем, т.к. на востоке было много пригодных для проживания территорий⁶¹. Шефер считал ее одним из важнейших средневековых достижений «немцев».

Используя параллели со Средневековьем, Шефер видел решение насущного вопроса – нехватки сельскохозяйственных земель – в новой колонизации. Именно к проблеме «земельного голода» он апеллировал, обосновывая свою программу экспансии Германии по итогам войны. Он считал, что Германия должна расширить свое влияние, но не путем изменения границ «старых» европейских наций, а присоединения прибалтийских и польских земель и колоний. Он считал возможным также существование польского государства, правда, лишь под протекторатом Германской империи⁶².

⁵⁷ Diziol 2015. Bd. 2. S. 675.

⁵⁸ Schäfer 1897. S.12; 39.

⁵⁹ Schäfer. Weltlage und Flottenverstärkung. S. 138.

⁶⁰ Schäfer 1910. S. 141.

⁶¹ Schäfer 1916. S. 3; Schäfer 1897. S. 6.

⁶² Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 8048/455. Bl. 18, 21; Schäfer 1916. S. 8-9.

В период Первой мировой войны Шефер становится одним из ведущих участников дискуссии о целях Германии в войне (Kriegszielbewegung)⁶³. Понимание важности определения целей войны сблизило ученого с Пангерманским союзом. Уже в начале сентября 1914 г. у него завязывается активная переписка с председателем союза Г. Классом, в ходе которой Шефер формулирует и аргументирует свою позицию по вопросу послевоенных границ⁶⁴. То, что Шефер уже в самом начале войны погрузился в изучение этого вопроса, применяя свои географические и исторические знания, демонстрирует не только его милитаристские настроения, но и то, что он считал возможным повлиять на политику Германии в войне. Хотя взгляды Шефера по этому вопросу были умереннее пангерманских, он продолжал состоять в Союзе и взаимодействовать с ним, пытался привлечь к совместным действиям.

В период войны Д. Шефер был также вовлечен в обострившуюся проблему разобщенности немецких правых и попытался решить ее, объединив различные политические силы под эгидой собственной организации «Независимый комитет за немецкий мир» («Unabhängiger Ausschuss für einen deutschen Frieden»). Он считал, как и многие его современники, что политические организации можно объединить вокруг какой-либо одной идеи, которую все они разделяют. Для Шефера такой идеей стали достойные условия мирного договора, предусматривающие расширение влияния Германии в Европе и в мире. Вторым направлением пропаганды, особенно заметным в 1915–1917 гг., были призывы к началу неограниченной подводной войны. В качестве примера можно привести обращение Комитета к Рейхстагу от 15.03.16: «Англия стремится подавить нас при помощи голода. <...> Из этого положения имеется только один выход: ведение неограниченной подводной войны против Англии. <...> Вражеские и нейтральные страны снова поверят в нашу стойкую волю к победе, в которой они начали сомневаться в связи с нашей позицией по отношению к Америке»⁶⁵.

Комитет благодаря обширным связям и организационной активности Шефера вскоре значительно разросся: в нем состояли более 150 тыс. членов, он имел около 200 отделений по всей Германии⁶⁶. Комитет Шефера долгое время существовал неофициально, был довольно разобщенным, примкнувшие организации сохраняли независимость, но все же он представлял собой внушительную силу, так как объединял на основе личных связей практически всю правую верхушку политической элиты. Фактически возможность подобного единства обеспечива-

⁶³ Stegmann 1970; Verhey 2000. P. 152-153.

⁶⁴ Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 8048/455. Bl. 18, 21.

⁶⁵ Bundesarchiv Berlin-Lichterfelde. R 8048/455. Bl. 24.

⁶⁶ Stegmann 1970. S. 469.

ла не общая идея, а общая неприязнь по отношению к рейхсканцлеру фон Бетман-Гольвегу⁶⁷. Косвенным доказательством влияния Комитета является то, что правительству пришлось создать в противовес ему аналогичную организацию, обосновывающую умеренные цели войны – «Германский национальный комитет» (Deutscher Nationalausschuss)⁶⁸. В 1917 г. Комитет вливается в Германскую Отечественную партию, объединившую на краткое время (до 1918 г.) практически все немецкие непартийные правые организации. В партии Шефер также становится одной из ключевых фигур за счет своих связей и авторитета. Вскоре после подписания Компьенского перемирия и Ноябрьской революции обе эти организации самораспустились. Подобно большинству членов Отчужденной партии, Шефер примкнул к консервативной Немецкой национальной народной партии, но его выступления антиреспубликанского характера нечасто выходили за рамки партийных собраний⁶⁹.

Несмотря на то, что Шефер считал причиной поражения Германии внутренних, а не внешних врагов, его взгляды были шире теории «удара в спину». В мемуарах ученый с горечью признавал, что сами внутренние враги появились от недостатка морали, долга и нравственного чувства внутри Германии. Как боец «внутреннего фронта», Шефер возлагал на себя частичную ответственность за поражение в войне, так как его усилия оказались недостаточны⁷⁰.

Жизнь Дитриха Шефера необычным образом вобрала в себя многие перипетии немецкой истории периодов объединения Германии и Германской империи. Он был тем хрестоматийным учителем, выигравшим франко-прусскую войну, настоящим немецким «мандаином», фанатичным почитателем Бисмарка. Перед Первой мировой войной Шефер – горячий сторонник немецкого экспансионизма и флотского строительства, во время войны профессор отстаивает необходимость применения любых средств в отношении противника. После поражения он наравне со многими современниками не принимает Веймарскую республику. Становление и развитие Шефера как личности происходило во многом синхронно с развитием страны, перипетии его карьеры служат прекрасной иллюстрацией возможностей и ограничений социальной мобильности в кайзеровской Германии.

Д. Шефер воспринимал свою жизнь как служение народу и государству и направлял все силы на то, чтобы сплотить немецкую нацию, сделать немцев не только народом Гете, но и народом Бисмарка⁷¹. Уни-

⁶⁷ Ibid. S. 467; 471.

⁶⁸ Цит. по: Verhey 2000. P. 153.

⁶⁹ Ackermann 2004. S. 241.

⁷⁰ Schäfer 1926 S. 159; Ackermann 2004. S. 242.

⁷¹ Schäfer 1917. S. 10.

верситетский профессор стал одним из известнейших националистических ораторов и пропагандистов Германии начала XX в., и его деятельность можно считать манифестацией популистского сдвига внутри немецкого национализма.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гусева М.В. Проблема позитивной национальной интеграции в кайзеровской Германии в трудах Г. фон Трейчке, Ю. Лангбена и В. Зомбарта. Дисс... канд. ист. наук. М., 2011. [Guseva M.V. Problema pozitivnoy natsionalnoy integratsii v kayzerovskoy Germanii v trudakh G. fon Treychke, YU. Langbena i V. Zombarta. Diss... М., 2011].
- Женин И.А. Между идеей и идеологией: политизация академического сообщества Германии в первой трети XX века // Логос. 2012. С. 122-143. [Zhenin I.A. Mezhdru ideyey i ideologiyey: politizatsiya akademicheskogo soobshchestva Germanii v pervoy trety XX veka // Logos. 2012. S. 122-143].
- Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избр. статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015. [Maurer T. "Barometry" ili "mayaki" obshchestva? Izbr. stat'i po sotsial'noy istorii russkikh i nemetskikh universitetov. М., 2015].
- Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890—1933. М., 2008. [Ringer F. Zakat nemetskikh mandarinov: Akademicheskoye soobshchestvo v Germanii, 1890—1933. М., 2008].
- Ростиславлева Н.В. Проблема «историк и политика» в творчестве Ф.К. Дальмана (1785—1860) // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 137-151. [Rostislavleva N.V. Problema "istorik i politik" v tvorchestve F.K. Dalmana (1785—1860) // Novaya i noveyshaya istoriya. 2008. № 1. S. 137-151].
- Ростиславлева Н.В. Германские либералы первой половины XIX века: К. фон Роттек, К.Т. Велкер, Ф.К. Дальман, В. фон Гумбольдт, Д. Ганзман. М., 2010. [Rostislavleva N.V. Germanskiye liberaly pervoy poloviny XIX veka: K. fon Rottek, K.T. Velker, F.K. Dalman, V. fon Gumboldt, D. Ganzeman. М., 2010].
- Ростиславлева Н.В. Национальная идентичность немцев в фокусе наследия Отто фон Бисмарка // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 336-349. [Rostislavleva N.V. Natsionalnaya identichnost nemtsev v fokuse naslediya Otto fon Bismarka // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 54. S. 336-349.]
- Хряков А.В. «Тайная Германия» Эрнста Канторовича // Диалог со временем. 2002. Вып. 8. С. 78—97. [Khryakov A.V. "Taynaya Germaniya" Ernsta Kantorovicha // Dialog so vremenem. 2002. Vyp. 8. S. 78—97]
- Ackermann J. P. Die Geburt des modernen Propagandakrieges im Ersten Weltkrieg: Dietrich Schäfer, Gelehrter und Politiker. Frankfurt/M. u. a., 2004.
- Chickering R. Max Weber and Dietrich Schäfer // Max Weber and seine Zeitgenossen. Göttingen, 1988. S. 462-475.
- Diziol S. „Deutsche, werdet Mitglieder des Vaterlandes!“: Der Deutsche Flottenverein 1898-1934. 2 Bde. Kiel, 2015.
- Eley G. Reshaping the German right: Radical Nationalism and Political Change after Bismarck. New Haven; London, 1980.
- Frankel R. Bismarck's Shadow: The Cult of Leadership and the Transformation of the German Right, 1898- 1945. Oxford, 2005.
- Grimmer-Solem E. The Professors' Africa: Economists, the Elections of 1907, and the Legitimation of German Imperialism // German History. 2007. Vol. 25(3). P. 313-347.
- Hübinger G. Gelehrte, Politik und Öffentlichkeit. Eine Intellektuellengeschichte. Göttingen, 2006.
- Iggers G. The German Conception of History: The National Tradition of Historical Thought from Herder to the Present. Middletown, 1968.
- Jagov K. Dietrich Schäfer und sein Werk. Berlin, 1925.
- Mosse G.L. The Nationalization of the Masses. New York, 1975.

- Schäfer D. Deutsches Nationalbewusstsein im Licht der Geschichte. Akademische Antrittsrede von Dr. Dietrich Schäfer, a.ö. Professor der Geschichte an die Universität Jena. Jena, 1884.
- Schäfer D. Die Hanse und ihre Handelspolitik [Vortrag]. Jena, 1885.
- Schäfer D. Deutschland zur See. Eine historisch-politische Betrachtung. [2. Auflage] Jena, 1897.
- Schäfer D. Zu Moltkes Gedächtnis. Rede gehalten zur Moltke-Feier in Heidelberg am 11. November 1900. Jena, 1901.
- Schäfer D. Weltgeschichte der Neuzeit. 2 Bde. Berlin, 1907.
- Schäfer D. Kolonialgeschichte. Leipzig, 1910.
- Schäfer D. Die eigentliche Arbeitsgebiet der Geschichte // Schäfer D. Aufsätze, Vorträge und Reden. 2 Bde. Bd. 1. Jena, 1913. S. 264-290.
- Schäfer D. Was bedeutet dem Deutschen sein Reich? [1912] // Schäfer D. Aufsätze, Vorträge und Reden. 2 Bde. Bd 2. Jena, 1913. S. 321-340.
- Schäfer D. Weltlage und Flottenverstärkung [1899] // Schäfer D. Aufsätze, Vorträge und Reden. 2 Bde. Bd 2. Jena, 1913. S. 127-145.
- Schäfer D. Unser Volk inmitten der Mächte // Der Koloß auf tönernen Füßen. Gesammelte Aufsätze über Russland. München, 1916. S. 1-9.
- Schäfer D. Protestantismus und Staat // Süddeutsche Monatshefte. 1917. S. 3-10.
- Schäfer D. Mein Leben. Berlin; Leipzig, 1926.
- Sontheimer K. Deutschland zwischen Demokratie und Antidemokratie. München, 1971.
- Stegmann D. Die Erben Bismarcks. Parteien und Verbände in der Spätphase des Wilhelminischen Deutschlands. Sammlungspolitik 1897–1918. Köln; Berlin, 1970.
- Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth and Mobilization in Germany. New York, 2000.
- Wehler H-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 4. München, 2003.

Киктева Евгения Викторовна, аспирант кафедры всеобщей истории Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (ПГГУ); eva_solov2@mail.ru

Dietrich Schäfer: Historian as the Educator of the Nation in Wilhelmine Germany

The article is focused on Dietrich Schäfer, the German historian-medievalist of the late 19th – the early 20th c. The main emphasize is on academic and political practices, considering him as an example of a German academic elitist. Schäfer's political activism was based on his beliefs about researcher's ethos. Professor sought to provide his own ideas in politics, which had been far from reasons of political conjuncture. His political works are not clearly divided from the popular books, and Schäfer, engaged in agitational activity, came across not as a polemist but as a teacher or a mentor of the German nation, who went from historical facts to the political ideas.

Keywords: Dietrich Schäfer, academic community, German nationalism, expansionism, Wilhelmine Period, historiography

Evgeniya Kikteva, Post-graduate student of the Department of World History, Russian State University for the Humanities; eva_solov2@mail.ru